

ПОЛИНА РЕЙ

СПАСИ

МОЮ

Дочь

Полина Рей

Спаси мою дочь

«Автор»

2026

Рей П.

Спаси мою дочь / П. Рей — «Автор», 2026

- Меня зовут Ева. Пожалуйста, помогите. Спасите мою дочь! С такими словами на пороге моего дома появилась какая-то незнакомая девушка. - Ей нужен врач? Ребёнку плохо? - уточнила я, глядя на крохотную девочку в люльке. - Да, ей плохо, но врачи говорят, что она здорова. А у вас же связи, я знаю Я нахмурилась, не понимая, что это за Ева и откуда она что-то про меня выяснила. - Отец ребёнка знает, что вы здесь? - задала вопрос, начиная подозревать неладное. - Нет, - выдохнула она, помотав головой. - Я ему не говорила Её отец - ваш муж, Демид. Пока Дем просил у меня пойти на всё, чтобы родить ему наследника, оказалось, что он без дела не сидел. И у него на стороне появилась дочь, которую, по мнению матери малышки, я должна немедленно спасти.

© Рей П., 2026

© Автор, 2026

Полина Рей

Спаси мою дочь

- Меня зовут Ева. Пожалуйста, помогите. Спасите мою дочь!

С такими словами на пороге моего дома появилась какая-то незнакомая девушка.

- Ей нужен врач? Ребёнку плохо? - уточнила я, глядя на крохотную девочку в люльке.

- Да, ей плохо, но врачи говорят, что она здорова. А у вас же связи, я знаю...

Я нахмурилась, не понимая, что это за Ева и откуда она что-то про меня выяснила.

- Отец ребёнка знает, что вы здесь? - задала вопрос, начиная подозревать неладное.

- Нет, - выдохнула она, помотав головой. - Я ему не говорила... Её отец - ваш муж, Демид.

Пока Дем просил у меня пойти на всё, чтобы родить ему наследника, оказалось, что он без дела не сидел. И у него на стороне появилась дочь, которую, по мнению матери малышки, я должна немедленно спасти.

Я проснулась от того, что Демиды не было рядом. Это само по себе было странно: обычно я слышала, как он встаёт по будильнику, потом гремит в ванной, хлопает дверью - и я снова проваливаюсь в сон. Но сегодня будильник не звонил, а его половина кровати, тем не менее, уже была пуста.

Я прислушалась.

Из кухни доносился приглушённый голос - муж говорил по телефону, и тон был напряжённый. Возможно, снова проблемы на работе - какая-нибудь крупная проверка, или что-то в этом духе.

Затем хлопнула входная дверь - Лавров ушёл.

Я лежала ещё немного, разглядывая трещинку на потолке, которую мы всё собирались зашпаклевать, но руки не доходили, и наконец поднялась.

На кухне было чисто. Он даже кружку за собой помыл - редкая «галантность». Я заварила себе кофе, открыла окно, хотя в марте ещё несло холодом, и принялась наводить порядок.

У нас была небольшая двушка в старом фонде, и я любила подобные этому утра, когда солнце лезло прямо в окна и высвечивало каждую пылинку. Я проходилась влажной тряпкой по подоконникам, переставляла горшки с геранью, поправляла салфетки.

Демид иногда посмеивался: «Злата, ты как будто генеральную уборку каждый день устраиваешь». А я просто предпочитала порядок, когда всё лежит на своих местах. Когда есть то, что ты можешь контролировать - гораздо легче жить.

Сегодня мне особенно хотелось этого самого контроля. Потому что последние недели мы с Демидом говорили только о детях. Точнее, об их отсутствии.

Я вытирала полку в шкафу и краем глаза смотрела на наши фотографии. Вот мы на отдыхе в Сочи, ему двадцать восемь, мне столько же, мы ещё не знаем, что будет трудно. Вот на свадьбе - скромное платье, которое я сшила на заказ у знакомой. А вот недавнее - Демид в форме, я рядом, обнимаю его и прижимаюсь к крепкому и надёжному плечу.

На вид - обычная семья. Никто бы не подумал, что мы уже несколько лет ходим по врачам, сдаём анализы, считаем дни, а в итоге каждый месяц я смотрю на тест и вижу одну полоску.

Демид хотел детей безумно. Чуть ли не с первого дня знакомства. Я тоже очень желала стать матерью, но, наверное, не так исступлённо. Для Лаврова это было каким-то смыслом, продолжением рода, мужским долгом. А для меня... я просто думала, что всё получится когда-нибудь само. Однако этого не случилось и мы пошли к врачам.

И понеслось: анализы, таблетки, обследования, вердикты «идиопатическое бесплодие» - красивое слово, которое означает «мы не знаем, почему у вас не получается».

Я прибиралась на столе и поймала себя на том, что тру один и тот же угол. Остановилась.

Вчера вечером Демид снова завёл этот разговор. Сидел на диване, перекидывал из руки в руку пульт, но смотрел не в телевизор, а в пол.

- Злата, - сказал он тихо. - Может, ну его... Может, ты всё-таки поговоришь с отцом?

Я замерла.

- У него же связи, он может устроить консультацию в Москве. Я слышал, там новые протоколы. Я понимаю, что тебе тяжело, но...

- Нет, - ответила я. И даже не дала себе времени подумать. - Нет, Демид.

Он вздохнул, как вздыхают, когда устали спорить.

- Это было давно. Может, он изменился.

- Он не изменился. - Я поставила кружку на журнальный столик так, что чай выплеснулся на полированную поверхность. - У него была вторая семья. Пока мама умирала, он жил с другой! Я ему не нужна была тогда, и сейчас не нужна. Я не буду ему звонить и выпрашивать помощь.

- Это не для тебя, - тихо сказал Демид. - Для нас. Для нашего ребёнка.

Я в тот момент ничего не ответила. Просто ушла в душ и стояла под горячей водой, пока не показалось, будто тяжёлые воспоминания стали смываться.

Я понимала мужа и то, что он отчаянно хочет стать отцом. Он был просто прекрасным супругом, поначалу, когда у нас была «притирка», терпел всё. А сейчас ни разу не упрекнул меня из-за отсутствия детей. Но я не могла переступить через себя.

Я доделала уборку, выкинула мусор, сменила одежду.

Работа у меня начиналась только в шесть - бар «Весёлый кит», администраторская стойка, бесконечное общение с посетителями. Но сейчас был ещё день, и я собиралась посвятить его себе: может, посмотреть сериал, может, перебрать вещи.

Я уже налила себе второй кофе и включила ноутбук, когда в дверь позвонили.

Я не ждала никого. Демид с утра на работе, друзья обычно не заходят без предупреждения. Я взглянула в глазок и увидела девушку. Молодую, лет двадцати трёх-двадцати четырёх, с пепельными волосами, собранными в небрежный хвост. В руках у неё была автолюлька, и она тяжело дышала, будто бежала по лестнице.

Я машинально открыла - вдруг девушка попала в беду и ей требуется помощь. Она смотрела на меня огромными глазами, в которых стояли слёзы, и её губы дрожали.

- Злата? - спросила она тихо, словно боялась, что я захлопну дверь.

Она знала моё имя! Но откуда? Мы ведь точно виделись впервые. Даже если бы эта девица заходила в бар - я бы запомнила. Профессиональное, так сказать.

- Да, - сказала я настороженно. - А вы кто?

- Меня зовут Ева, - выдохнула она.

И вдруг перехватила автолюльку одной рукой, а другой вцепилась в дверной косяк.

- Пожалуйста, простите меня, ради бога, я не знаю, к кому ещё идти. Помогите. Спасите мою дочь!

Это было столь внезапно, что я опешила. Застыла каменным изваянием.

Первая мысль - какая-то беда, может, ей нужна скорая, может, она от кого-то убегает. Но откуда знает моё имя?

Я всё же сделала шаг назад, впуская её в прихожую.

- Заходите, - сказала я. - И спокойно! Что случилось? Ребёнку плохо?

Она переступила порог, и я заметила, что всё её тело мелко дрожит. Ева поставила автолюльку на пол и посмотрела на меня снизу вверх. В её взгляде было что-то отчаянное, дикое, как у загнанного в ловушку зверька.

- Ей всего три месяца, - сказала Ева, и голос у неё сорвался. - Зовут Настенькой. Её только что выписали, а я чувствую: что-то не так. Врачи говорят - всё в порядке, а она не ест, не спит, плачет, и я боюсь, что она... что она умрёт.

Я опустила на корточки, заглянула в автолюльку. Малышка была крошечной, с бледным личиком и тёмными волосиками, она спала, но дыхание у неё было какое-то неровное, будто бы даже с присвистом. Сердце кольнуло.

- Вам нужен врач, - сказала я, поднимаясь. - Скорая или...

- Нет! - почти выкрикнула она и тут же прижала ладонь к губам, мельком глянув на люльку. - Тише, тише... Простите. Я была в больнице. Три раза за неделю. Они говорят, что всё нормально, что колики. Но я знаю - это не так.

Я не знала, что сказать. Матерью не была, разделить настолько острые тревоги не могла. Но я видела перед собой просто перепуганную девчонку, которая, возможно, сходила с ума от волнения.

- А где отец ребёнка? - спросила я. - Он знает?

Я едва задала этот вопрос, как поняла, что он попал точно в цель. И у меня от предположений о том, что она может произнести в ответ, заколотилось сердце.

Ева подняла на меня глаза, и в этот момент я увидела в них что-то такое, от чего у меня окончательно похолодело внутри. Словно ей было стыдно передо мною за что-то. А ещё там полыхала твёрдая решимость, которая бывает только у тех, кому нечего терять.

- Да, у неё есть отец, - сказала она медленно. - И это ваш муж - Демид.

Мои глаза округлились, брови поползли на макушку. Именно эта новость и родилась в подсознании совсем недавно, только я её от себя отгоняла. И вот - она обрушилась на меня с мощностью, сопоставимой с тем, как падает на человека тяжёлая гигантская плита.

Показалось, что мир кругом застыл, однако я слышала, как в прихожей тикают часы, как внизу под окном проехала машина, как где-то на кухне капает кран. Я смотрела на эту девушку, на её трясущиеся руки, на ребёнка в автолюлке. Смотрела и не понимала... Не верила...

- Что? - переспросила чужим голосом.

- Я не знала, что он женат, - зашептала Ева, и слёзы наконец покатались по её щекам. - Честно, Злата, я не знала! Он мне ничего не говорил про вас. А когда всё выяснилось, было уже поздно, я забеременела. Хотела уйти, сделать аборт, но он... он сказал, что разведётся, что детей у вас всё равно не будет, а я рожу ему сына. Конечно, сын не получился... Получилась девочка, но я в этом не виновата!

Её понесло в какие-то дебри, пока я пыталась прийти в себя. И конечно, первой здоровой мыслью были всего два слова - она врёт.

Кому я верю сейчас? Мужу, которого знаю несколько лет? Или этой девице, что явилась ко мне из ниоткуда?

- Я не прошу денег, - продолжала она, и её голос ломался.

То звучал хрипло и надрывно, то тихо и едва слышно.

- Я не прошу ничего для себя. Я прошу за неё. У вас есть связи, я знаю, что ваш отец... Демид говорил, что он может устроить в лучшие клиники! Я умоляю, если вы сможете...

- Стойте, - перебила я, потому что этот словопоток надо было остановить: - А он? Демид? Он знает, что вы здесь?

Ева опустила глаза и её плечи затряслись.

- Он не знает, нет. И он не поможет, - прошептала она. - Демид сказал, что этот ребёнок ему не нужен, что я специально всё затеяла, что он не даст ни копейки. Он вышвырнул нас из своей жизни!

Я смотрела на неё, слушала её всхлипывания, смотрела на ребёнка в автолюлке. Где-то глубоко в груди пульсировала тупая боль, но я не позволяла ей разрастись. Вместо этого включилась привычная за годы работы в баре защита: наблюдай, слушай, не верь на слово.

- Значит, Демид вышвырнул вас, - повторила я медленно. - Сказал, что ребёнок ему не нужен.

Она закивала, вытирая слёзы со щёк.

- А заодно рассказал вам про моего отца - про его связи в медицине. И про то, что я с отцом не общаюсь, но при необходимости могу позвонить. И адрес наш он вам тоже дал, да?

Я намеренно сыпала такими вопросами - они могли развеять легенду Евы в пух и прах.

Ева замерла, и в её глазах мелькнуло понимание - веры на слово нет.

- Я сама узнала адрес, - тихо сказала она. - Он не давал. Я случайно увидела в его документах.

- В его документах, - повторила я, хмыкнув. - Которые он оставлял у вас, пока жил на две семьи. Я верно понимаю?

Она опустила глаза. Слёзы снова потекли по щекам, но теперь я смотрела на них без жалости. Я слишком часто видела в баре женщин, которые умело включали солёные потоки на лице, когда им нужно было что-то получить.

- Вы сказали, что не знали о жене, когда с ним встретились, - продолжила я, не повышая голоса. - Но потом, когда забеременели, и супруга в виде меня перестала быть тайной, он обещал развестись. Обещал, что у нас с ним детей не будет, а вы родите ему сына. Я правильно излагаю вашу версию?

Она молча кивнула.

- И вы поверили ему, родили ребёнка, Демид взял и вышвырнул вас. И теперь вы пришли ко мне - той самой потенциально брошенной жене, - чтобы я позвонила своему отцу, с которым не общаюсь много лет, и попросила спасти вашу дочь. Потому что больше идти не к кому.

Я повторила свою же фразу, чтобы Ева поняла, насколько абсурдно всё это звучит. И не только для неё. Я и сама, говоря об этом, всё больше убеждалась в том, какая искусная мне на голову льётся ложь.

- Я не знаю, к кому ещё обратиться, - прошептала она. - У меня больше никого нет.

- Это не ответ, - оборвала я. - Это эмоция! А мне нужны факты. Где вы живёте? На что существуете? Кто поставил точный диагноз и какой он? Термины? Они ведь их называли? Какие именно симптомы? Почему вы уверены, что это не колики и не обычное беспокойство новорождённого?

Она начала сбивчиво рассказывать про арендованную комнату, про какие-то сбережения, про больницу, где ей сказали, что всё в порядке. Я слушала и видела, что Ева путается в деталях, что её рассказ похож на правду, но слишком удобную для неё - в первую очередь. Или это просто страх матери, которая не может связно мыслить? Я не знала, но не могла позволить себе верить на слово.

Стоило ей замолчать, я выдохнула, отступила на шаг, прислонилась к стене.

- Знаете что, Ева? Я не знаю, что в ваших словах реальность, а что - ложь. Я не знаю, действительно ли ребёнок болен или вы преувеличиваете, как не знаю, что там с Демидом - вышвырнул он вас или нет. И в курсе ли вообще вашего наличия на планете Земля. Вы для меня - посторонний человек, который пришёл в мой дом с историей, которая если и правдива, то рушит мою жизнь. А если нет - то вы просто манипулируете мной ради своих целей!

Она всхлипнула, прижала к себе автолюльку.

- Поэтому я сделаю вот что, - сказала размеренно. - Я найду врача. Не из вашей поликлиники, а нормального педиатра, которому можно доверять. Вы сходите на приём, он скажет, есть ли у девочки реальные проблемы. Если нет - вы исчезаете, и мы больше никогда не видимся. Если да...

Я замолчала. Конечно, никакому отцу я звонить не стану, даже если речь пойдёт о жизни и смерти чужого, по сути, ребёнка. Но пусть считает, что я хоть немного помогу.

- Я не обещаю вам ничего, - добавила жёстко. - Не обещаю денег, связей, не обещаю, что стану вашей спасительницей. Я просто хочу понять, имею ли я дело с трагедией или с манипуляцией. Вас это устраивает?

Она молча кивнула, опустив льюльку на пол. Принялась вытирать слёзы снова, но на это я уже почти не обращала внимания.

- Хорошо. - Я достала телефон. - Сидите здесь, вон банкетка. И не трогайте ничего. Я отойду позвонить.

Я прошла на кухню и закрыла за собой дверь. Прислонилась спиной к холодильнику, сжимая телефон. Пальцы дрожали, в горле пересохло, а в груди разрасталось что-то гигантское, мешающее дышать.

Она врёт. Попросту не может не врать.

Я повторяла это как мантру, но перед глазами всё ещё стояла автолюлька, крошечная ручка, высунутая из розового комбинезончика, неровное дыхание спящей девочки. И лицо Евы - бледное, испуганное, с мольбой, которая казалась слишком искренней.

Я открыла список звонков, нашла Демиду. Палец завис над кнопкой вызова.

Что я скажу? «Демид, у тебя есть дочь и я в курсе?» А если он рассмеётся, скажет, что это бред? Или промолчит? Я не знала, какой ответ хочу услышать, но понимала - звонка не избежать.

Потому нажала вызов.

Гудки. Один, второй, третий. С каждым мгновением, пока муж не взял трубку, сердце билось всё сильнее и отчаяннее.

- Да, зай? - Голос мужа звучал ровно, спокойно, как всегда, когда он на работе.

А это его обращение - такое родное, привычное... Оно выбило из колеи окончательно.

- Демид, - я постаралась, чтобы голос не дрожал, но вышло глухо. - Ты сейчас можешь говорить?

- Что-то случилось? - тут же встревожился он.

Я услышала, как он, видимо, вышел из кабинета, где были люди, прикрыл дверь.

Я зажмурилась и стала считать про себя хотя бы до пяти. В прихожей за дверью сидела девушка с младенцем, который, возможно, был дочерью моего мужа. Я хотела спросить об этом прямо, но слова застревали в горле.

- У меня здесь... - начала я и замолчала.

Нет, всё не так... Неправильно.

- Злата, - он уже встревожился не на шутку. - Что случилось? Пожар? С тобой всё в порядке?

- Со мной - да, - выдохнула я и решилась: - Демид... ты знаешь Еву?

На том конце повисла тишина. Секунда, вторая, третья. Я слышала, как Лавров дышит - глубоко, с задержкой. Этого молчания было достаточно, чтобы всё понять.

- Откуда ты... - начал он глухо, и его голос дрогнул.

- Она у нас дома, - перебила я. - С ребёнком. Сказала, что это твоя дочь. Что ты вышвырнул их и отказался от ребёнка.

В трубке было тихо. Я слышала только его дыхание - тяжёлое, прерывистое. Где-то на фоне раздавался приглушённый шум пожарки, но здесь, в нашей кухне, время и звуки словно бы исчезли.

- Демид. - Мой голос стал жёстче, холоднее, чем я сама ожидала. - Я тебя спрашиваю. Это правда?

- Злата, - сказал он, и в его голосе прорвалось что-то, чего я раньше не слышала. Боль? Страх? Отчаяние? - Не решай ничего сейчас. Я приеду. Через двадцать минут буду. Не выгоняй её, не делай ничего. Пожалуйста. Я всё объясню.

- Ты всё объяснишь, - повторила я. - Да. Объяснишь.

Я сбросила вызов и уставилась на тёмный экран. Пальцы больше не дрожали. Внутри разрасталась холодная, тяжёлая злость, но вместе с ней - странная уверенность. Он не сказал «нет». Он не сказал «это неправда». Он сказал «я приеду и всё объясню».

Я сунула телефон в карман и несколько секунд стояла, прижимаясь затылком к холодильнику, глядя в потолок. В голове гудело, мысли разбегались, но одна цеплялась за другую: он не отрицал. Не сказал, что это ложь.

Я толкнула дверь и вышла в прихожую.

Ева сидела на банкетке, прижимая к себе автолюльку, и смотрела на меня снизу вверх. Её лицо было бледным, под глазами залегли тени, пальцы, сжимающие ручку, побелели. Девочка в розовом конверте всё так же спала, и её дыхание казалось мне теперь ещё более неровным.

- Я позвонила Демиду, - сказала, останавливаясь напротив Евы. - Он едет. Мы сейчас всё выясним.

Её лицо побледнело ещё сильнее. Она втянула голову в плечи, будто ожидала удара.

- Зачем? - прошептала она. - Он же... он...

- Посмотрим, что мой муж скажет, - оборвала я. - Вы пока сидите здесь. Не трогайте ничего.

Я прошла в гостиную, едва ли не упала на диван, сложила руки на коленях. Телефон пристроила рядом, экраном вверх - ждала, что Демид может перезвонить и сказать - розыгрыш! Я пошутил, тебя разыграли!

Но этого не происходило.

Из прихожей доносилось тихое, прерывистое дыхание Евы, иногда - всхлипы, которые она тут же подавляла. Я смотрела в стену и пыталась собрать мысли воедино.

Она сказала, что Демид вышвырнул их, что Лавров отказался от ребёнка. А муж... он не подтвердил, но и не опроверг, просто попросил ничего не решать.

Я вспомнила его утренний телефонный разговор. Напряжённый голос, ранний уход без обычного шума. Тогда я подумала - работа, проверки. А теперь...

Взглянула на свои руки - кажется их не колотит в приступе озноба, только ногти впиваются в ладони сильнее, чем нужно.

В прихожей заплакала девочка. Тихо, жалобно, как будто просяще, а потом - с надрывом и каким-то отчаянием. Я услышала, как Ева зашептала: «Тише, тише, маленькая, тише...» Голос у неё дрожал, срывался, и от этого шепота у меня сжалось сердце, хотя я не хотела ничего подобного чувствовать.

Резко поднявшись, я подошла к окну. По улице расползлся мрак, фонари только начинали зажигаться. Внизу, у подъезда, никого не было. Демид обещал добираться двадцать минут, и я, кажется, пропускала через себя каждую из пройденных секунд.

Я обернулась. Ева пришла из прихожей, держа дочь на руках и укачивая. Девочка хныкала, тыкаясь лицом в плечо матери. Ева подняла на меня глаза - в них было столько искреннего отчаяния, что не поверить в него было невозможно.

- Она голодная, - тихо сказала она. - Можно я... тут?..

Пришлось кивнуть на диван:

- Садитесь.

Она нерешительно подошла, опустилась на край, достала из сумки бутылочку со смесью, дрожащими руками встряхнула и дала ребёнку. Девочка жадно припала к соске, и в комнате стало тихо - было слышно только её чмоканье и тяжелое дыхание Евы.

Почему-то у меня в голове мелькнула мысль: не стоило ли разогреть смесь? Но я от неё отмахнулась, как от назойливой мухи.

Я устроилась в кресле напротив. Если уж есть возможность расспросить о каких-то фактах вне присутствия Лаврова - глупо этим не воспользоваться.

- Как вы познакомились с моим мужем? - спросила я.

Она не подняла глаз. Даже будто бы сомневалась - стоит ли мне рассказывать о подобном. Затем всё же решилась:

- В баре. Он заходил иногда пропустить стаканчик-другой. Я там работала официанткой. - Голос у неё был глухой, безжизненный. - Мы разболтались однажды, он сказал, что разведён и живёт один.

Я усмехнулась - ну-ну, давай, мели. Дем бы точно такого не выдал малознакомой девице. Даже если бы просто хотел её трахнуть, в чём я, конечно же, очень сильно сомневалась, он просто бы сделал вид, что личное - это личное.

- И вы поверили? - вскинула я бровь.

- Я была душой, - прошептала она. - Мне на тот момент было всего двадцать два. Он казался таким... надёжным. Взрослым.

Я смотрела на неё, на её склонённую голову, на ребёнка, который сосал смесь и постепенно успокаивался. Где-то глубоко в душе копошилось что-то, похожее на жалость, но я тут же задавила это чувство.

- А когда узнали про меня? - продолжила я расспрашивать.

- Через два месяца, - сказала она, не поднимая глаз. - Он случайно оставил телефон, я увидела сообщение от вас. Потом нашла профиль в соцсетях.

Два месяца... значит, по её версии, они были в отношениях, причём не краткосрочных на денёк-другой, а более... монументальных.

- И вы не ушли, а решили и дальше встречаться с женатым мужиком, - констатировала я, но говорила словно бы о ком-то другом. Не о муже. - Беременность уже была на тот момент? - спросила ровно.

- Да. Я была на седьмой неделе. - Она подняла на меня глаза. - Я хотела уйти. Честно. Но он... он сказал, что вы не можете иметь детей. Что он давно хочет развестись, но не решался. Что я подарю ему сына.

Я сжала подлокотники кресла. Два месяца, седьмая неделя. Она что - залетела от него почти сразу, как только они начали спать? Так, стоп! Никто ни от кого не залетал, всё это выдумка. Больные фантазии.

- А родилась дочь, - задумчиво проговорила я, мысленно подгоняя стрелки на часах.

Пусть Демид уже приедет, иначе я изведусь донельзя!

- Да. - Ева посмотрела на девочку, и в её взгляде мелькнули тёплые материнские чувства, несмотря на весь ужас ситуации. - Её зовут Настя. Она... вообще ни в чём не виновата.

Я не ответила. Мы сидели в тишине, только Настя посапывала, наевшись. Ева держала её вертикально, поглаживая по спинке.

В лифтовом холле хлопнула дверь - нам было слышно, когда кто-то из жильцов нашего этажа слишком сильно её за собой закрывал. Я вздрогнула, посмотрела на часы - прошло ровно двадцать минут. Это наверняка Демид - я была в этом уверена.

Ева подняла голову, и в её глазах мелькнул страх - настоящий, животный, какой бывает у тех, кто приговорён к смерти и знает об этом.

- Он не должен меня здесь видеть, - прошептала она. - Он же...

- Поздно, - сказала я, вставая и направляясь навстречу мужу.

Ключ повернулся в замке и дверь открылась.

Демид вошёл в прихожую, и я увидела его таким, каким не видела никогда за годы нашего брака. Он был бледен, глаза лихорадочно блестели, форма расстёгнута, волосы взлохмачены, будто он бесконечно взъерошивал их руками. Лавров переводил взгляд с меня на Еву, с Евы на ребёнка, и его лицо менялось - от страха к облегчению, от облегчения к боли.

- Злата, - выдохнул он, делая шаг ко мне. - Я...

- Стой, - чуть ли не выкрикнув это слово и поднимая руку. - Стой, где стоишь!

Дем замер, в его глазах заплескалось нечто сродни ужасу.

- Ты знаешь эту женщину? - спросила я, глядя ему в глаза.

Он сглотнул, посмотрел на Еву, которая вся сгорбилась, прижимая к себе дочь.

- Знаю, - сказал он глухо.

Значит, часть рассказней Евы - правда. И Лавров не станет скрывать от меня всех обстоятельств.

- Ребёнок твой? - потребовала я ответа, и голос мой дрогнул.

Какое-то время Дем молчал, и в этих мгновениях, отделяющих меня от суровой правды жизни, теплилась моя надежда.

- Да, - сказал он наконец, и его голос сорвался. - Это моя дочь.

Данные слова были тем приговором, который уничтожал меня на месте без права на восстановление. Я ощутила, что пол покачнулся под ногами, но меня если и повело, то я выстояла. А на месте Златы вдруг оказалась совсем другая женщина - и ей необходимо было получить ответы на свои вопросы. Причём сейчас - связанные с ребёнком. А уж как она появилась на свет - выясним потом.

- Теперь расскажи мне, - сказала я голосом, которого сама не узнала, - что значит ты «вышвырнул их» и «отказался от ребёнка»?

Демид перевёл взгляд на Еву, и в его глазах вспыхнула самая настоящая лютая злоба. Казалось, что сейчас он попросту ненавидит и любовницу, и младенца.

- Я не вышвыривал, - сказал он медленно. - Я...

- Не надо, - перебила Ева, и голос у неё задрожал. - Не надо, Демид. Я сама...

- Замолчи! - рявкнул Лавров, и я вздрогнула.

Он никогда не повышал голос дома. Это было совершенно нетипично.

- Злата, это не так. Я не вышвыривал их. Я... я плачу за квартиру, я покупаю всё для ребёнка, я...

Он осекся, посмотрел на меня, и в его глазах я увидела то, что поняла без слов: он скрывал это от меня месяцами, врал мне всё это время.

Но Дем не бросал их.

Я перевела взгляд на Еву - она смотрела в пол, и её лицо было мокрым от слёз.

- Значит, ты соврала, - сказала я ей глухо. - Про «вышвырнул» и отказ от ребёнка.

Меня колотило от этого понимания - даже если вдруг та похоть, которой жил Лавров, трахая Еву, прошла с известиями о том, что у него будет дочь, он всё равно вёл двойную жизнь и лгал мне.

Ева молчала, только сильнее прижимала к себе девочку.

- Я... я боялась, что вы не поможете, если скажу правду... - прошептала она. - Думала, если вы подумаете, что он бросил нас, вы...

- Ты решила, что я из жалости к брошенному ребёнку позвоню отцу? - усмехнулась я.

На губах осела горечь - я даже ради себя ему не звонила, не то что ради какого-то там бастарда! Злость охватила меня, но я мысленно приказала себе держать её в узде.

Ева же подняла на меня глаза, полные отчаяния, и затараторила:

- А что мне было делать? Она правда больна, я не придумываю! Врачи говорят - ничего страшного, но я вижу, я чувствую! Она плохо ест, она задыхается, я ночью не сплю, слушаю, дышит она или нет! А он... - Ева кивнула на Демиду, - он говорит, что это у меня паника, что врачи лучше знают, что я накручиваю себя. Он не верит!

- Я не говорил, что не верю, - сквозь зубы оборвал её Демид. - Я говорил, что надо доверять специалистам! Ты каждый день звонишь в скорую, они уже узнают тебя по голосу!

- Потому что она умрёт! - выкрикнула Ева, и девочка на руках вздрогнула, проснулась и снова разрыдалась. - Посмотри на неё! Она не такая, как другие дети! Она...

- Хватит! - сказала я, и Ева замолчала.

Молчал и Дем, лишь только смотрел на меня так, словно я была Ангелом Господним, готовым карать и миловать.

Я же стояла в метре от него и при взгляде на Лаврова думала лишь об одном - он врал мне год с лишним. Ева не лгала - мой муж действительно подцепил официантку в баре, сказал ей, что разведён, а потом ждал от неё сына. Это было ужасно...

- Вы оба, - сказала я медленно, - сейчас собираетесь и уезжаете к врачу. К тому, которому я доверяю. Я сейчас позвоню, договорюсь. И вы поедете вместе. И сделаете всё, что вам там скажут.

- Злата... - начал Демид, но я так резко повернулась к нему, что у меня хрустнули шейные позвонки.

- А ты молчи! - рявкнула я. - Потом всё расскажешь мне сам. С самого начала. А сейчас - молчи!

Он закрыл рот, а я достала телефон, набрала номер знакомого педиатра. Пока ждала ответа, посмотрела на Еву. Она укачивала плачущую Настю и смотрела на меня с такой благодарностью, что мне стало противно.

- Алло, Лилия Васильевна? Добрый вечер, это Злата Лаврова, жена Демида. Извините, что беспокою, у вас есть возможность принять сейчас? Не меня, нет, вы же знаете, что детей я не нажила.

Сказала и даже самой больно стало от этих слов, но я засунула свои эмоции куда подальше и продолжила:

- У одной девушки трёхмесячный ребёнок, ей кажется, что с девочкой что-то не так, а врачи в поликлинике говорят, что всё нормально. Я хочу, чтобы вы просто посмотрели её. Да. Да, сейчас они приедут.

Мы договорили, я уточнила адрес и завершила звонок.

- Всё, - сказала, убирая телефон. - Поезжайте прямо сейчас. Вас там уже ждут. Лилия Васильевна чуткий врач, Света Лебедева к ней водит дочь.

Я и сама не знала, зачем произносила эту информацию - она ведь никому не была нужна. Но, наверное, если говорить о чём-то отстранённом, станет легче...

- А ты? - спросил Лавров тихо.

- Я? - Этот вопрос задала с усмешкой. - Я буду здесь ждать тебя. И готовиться к разговору, который нам предстоит.

Он хотел что-то сказать, но я качнула головой и отошла к окну гостиной. Видеть их совершенно не хотела и надеялась, что Дем это поймёт.

Они ушли через пять минут. Ева что-то пролепетала о том, как она мне благодарна, но реагировать я не стала. А когда, наконец, Лавров и его любовница покинули моё жилище, у меня к горлу подступили рыдания, а в висках забила только одна мысль

У него есть дочь...

*

Я просидела в гостиной два часа, которые растянулись до состояния вечности.

Сначала просто смотрела в стену. Потом пересчитала все корешки книг на полке. Потом встала, прошла на кухню, начала заплотшно и нервно прибираться. Опять вернулась в гостиную, села на диван, сложила руки на коленях и поняла, что не помню, как оказалась здесь. Мысли металась, как звери в клетке, но я не позволяла им вырваться наружу. Просто сидела и ждала.

Ключ в замке повернулся ровно через два часа и двенадцать минут. Я почему-то запомнила это - как оказалось, просто сидела и смотрела на часы, отсчитывая вместе со стрелками время.

Демид вошёл тихо, не так, как обычно. Он всегда был шумным: кидал ключи на тумбочку, громко выдыхал после смены, перекидывался со мной парой фраз о том, как прошёл

день. Сейчас Лавров просто закрыл дверь, повесил куртку и остановился в прихожей, не решаясь зайти дальше.

Я не встала не обратилась к нему. Я вообще ничего не сказала и не сделала. Сидела и смотрела прямо перед собой, пока он наконец не сделал шаг, потом другой, не оказался в проходе между прихожей и гостиной.

- Злата.

Одно слово - моё имя. И в нём - всё: страх, вина, надежда, отчаяние. Я слышала это, но вновь не повернула головы.

- Садись, - сказала, указывая на кресло напротив кивком головы.

Он послушался - опустил тяжело, как старик, провёл ладонями по лицу, и только тогда я позволила себе посмотреть на него. Демид выглядел так, будто его выжали - под глазами залегли тени, пальцы побелели, когда он сцепил их в замок.

- Что с ребёнком? - спросила я, раз уж поучаствовала хотя бы опосредованно в её крохотной жизни.

- Положили в больницу, ответил он глухим голосом, в котором прятались истинные эмоции. - Лилия Васильевна посмотрела, послушала, сразу стала вызывать скорую. Сказала, что у девочки что-то с лёгкими, может быть, бронхи, а может, и хуже. Нужно обследование и анализы, в обычной поликлинике такого не делают.

Он замолчал, и я ждала. Только отметила про себя, что ребёнка, нагулянного на стороне, Лавров по имени не называл.

Просто «девочка», как будто она ему не родная.

- Её увезли, Еву, конечно, с ней. Сказали, что положат в отделение, будут наблюдать. - Он смотрел на меня взглядом, в котором пылало что-то, что я видела впервые. - Если честно, я не всё понял из того, что она говорила. Просто... не стал в это погружаться, потому что...

Он не договорил - отвёл взгляд, сжал челюсть так, что желваки заходили.

Я взирала на него в ответ и пыталась сопоставить этого человека - сломленного, растерянного, который сидит передо мной и боится поднять глаза, - с тем Демидом, которого я знала. Который был моим мужем.

И который врал мне больше года.

- Ну что? Легче стало, когда всё вскрылось? - зачем-то спросила я у мужа.

Он кивнул, не поднимая головы.

- Знаешь, как это - врать каждый день? - спросил Дем тихо. - Просыпаться, смотреть тебе в глаза, пить с тобой кофе, обсуждать, что купить на ужин, и понимать, что у меня есть то, о чём ты не знаешь. Я ненавидел себя каждую секунду. А сегодня, когда ты сказала, что она у нас дома... - Он запнулся. - Я испугался. А потом понял, что больше не надо врать. И мне стало легче. Только легче - это не значит хорошо. Это значит, что я теперь могу смотреть тебе в глаза, даже если ты меня ненавидишь.

- Я тебя не ненавижу, - сказала я ровно. - Я вообще пока не понимаю, что чувствую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.